

W 175
6

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

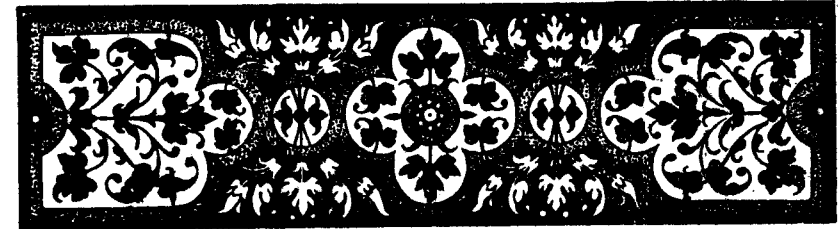
Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1906.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА,
АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,
ВЫБОРКИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ СЛОВЪ ¹⁾.

БЕСѢДА І.

567

О любви.

Человѣколюбець Богъ нашъ, желая соединить всѣхъ взаимными узами, возлюбленные, вложить въ дѣла человѣческія та-
кой законъ, что польза одного непременно соединяется съ поль-
зой другого. Такъ земледѣлецъ сѣетъ жито не столько, сколько
нужно для него самого,—иначе онъ давно бы погубилъ и себя,
и другихъ,—и воинъ ополчается на опасности не для того, чтобы
спасти только себя самого, но чтобы доставить безопасность и
городамъ, и купецъ привозитъ не столько, сколько нужно для
него самого, а сколько и для многихъ другихъ. Если бы люди

¹⁾ Ἐκλογαὶ ἀπὸ διαφόρων λόγων. Подъ этимъ названіемъ извѣстны сбор-
ники бесѣдъ, составленныхъ разными лицами послѣ смерти Златоуста на тѣ
или другія темы, изъ относящихся къ темамъ и особенно нравившихся соста-
вителямъ мѣста твореній святителя. Мѣста приведены частію въ буквальномъ
изложеніи, частію въ свободномъ пересказѣ и заимствованы какъ изъ под-
линныхъ твореній Златоуста, такъ и изъ произведеній лишь приписываемыхъ
Златоусту, не только до нашего времени сохранившихся, но и утерянныхъ.
Эти Эклоги (выборки) пользовались широкою распространенностію, были въ
употребленіи и у частныхъ лицъ, и у царей. Извѣстенъ, напр., роскошный
сборникъ Эклогъ, принадлежавшій византійскому императору Никифору Вота-
ніату (1078—1081), зарегистрированный въ числѣ кодексовъ Коаленовой библио-
теки подъ № LXXIX.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 3 ноября 1905 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

не были поставлены въ такую необходимость, то они не захотѣли бы искать пользы ближняго; потому Богъ и соединилъ все такимъ образомъ и не попустилъ достигать своей пользы иначе, какъ путемъ пользы другихъ. Инымъ путемъ нельзя и спастись, и если ты упражняешься даже въ высшемъ любомудріи, а о другихъ, погибающихъ, не радишь, то не будешь имѣть никакого дерзновенія предъ Богомъ. *Аще раздамъ имѣнія моя, говоритъ божественный апостолъ, и предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любви же не имамъ, никакая польза ми есть* (1 Кор. хш, 3). Если же ты желаешь знать, какое оружіе пріобрѣтаетъ тотъ, кто привлекаетъ къ себѣ братьевъ, хотя бы иногда и невѣрныхъ, или кто кротокъ, спокоенъ, и пріятенъ въ обращеніи, то послушай, что говоритъ самый этотъ блаженный Павелъ, являясь на судъ къ судѣ невѣрному: *непщую себе блаженна, имѣя быть судимымъ предъ тобою* (Дѣян. ххvi, 2). Говорилъ онъ это не съ цѣлю польстити ему, — нѣтъ, — а желая черезъ такую кротость достичь пользы. Отчасти онъ ее и достигъ, — тотъ, кто доселѣ считался подсудимымъ, плѣнилъ судію; и объ этой побѣдѣ яснымъ голосомъ свидѣтельствуешь въ присутствіи всѣхъ самъ плѣненный, говоря: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти* (ст. 28). Что же Павелъ? *Молилъ убо быхъ азъ, не токмо тебе, но и всѣхъ* присутствующихъ, *быти тацѣмъ, яко азъ* (ст. 29). Итакъ, когда онъ требуетъ такой великой мѣры, а мы не представляемъ даже и меньшаго, то будемъ ли мы достойны какого-нибудь прощенія? И не думай, что нуждаться въ помощи другого есть что-то позорное; это дѣло неизреченной мудрости Божіей. Если мы нуждаемся другъ въ другѣ и даже эта необходимость взаимной помощи не соединяетъ насъ узами дружбы, то, если бы мы сами могли удовлетворять своимъ нуждамъ, не сдѣлались ли бы мы неукротимыми звѣрями? Силою и необходимостью покорилъ насъ Богъ другъ другу, и мы ежедневно сталкиваемся другъ съ другомъ. Если бы Богъ снялъ эту узду, кто бы сталъ искать дружбы ближняго?

569 Потому-то Богъ и далъ намъ одно жилище—этотъ міръ, возжегъ всѣмъ одинъ свѣтильникъ—солнце, простеръ надъ нами одинъ кровъ—небо, и предоставилъ одинъ столъ—землю. Богатому Онъ не далъ чего-либо большаго и болѣе цѣннаго, а бѣдному—меньшаго и малоцѣннаго, чтобы между нами было полное и неразрывное единеніе, и чтобы никто не могъ сказать: такой-то мнѣ ни другъ, ни родственникъ, ни ближній, и у меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго,—какъ же я пойду къ нему, какъ буду говорить съ нимъ? Связь между нами должна быть даже тѣснѣе, чѣмъ та близость, какую обнаруживаютъ между собою друзья; она должна быть связью члена съ членомъ. И подобно тому, какъ ты

не могъ бы сказать: откуда мнѣ родство и близость съ нимъ?—потому что это было бы смѣшно,—такъ точно и о братѣ ты не могъ бы уже сказать этого. Пусть онъ и не родственникъ твой, и не другъ; но онъ человекъ, имѣющій одинаковую съ тобою природу, одного и того же Владыку, и живущій въ одномъ и томъ же мірѣ. Въ разсужденіи денегъ, мы хвалимъ тѣхъ, кто ничего не долженъ; въ разсужденіи же любви, мы восхваляемъ и почитаемъ тѣхъ, кто остается всегда должникомъ. Утвердимся же въ этой истинѣ и соединимся другъ съ другомъ; и если кто захочетъ отпасть, ты самъ не отпадай, и не говори этихъ холодныхъ словъ: если любить меня, люблю его; если же не любить меня правый глазъ, то вырываю его. Напротивъ, когда онъ не хочетъ любить, тогда покажи еще большую любовь, чтобы привлечь его,—вѣдь онъ членъ. Когда, въ силу какой необходимости членъ отдѣляется отъ остального тѣла, то мы дѣлаемъ все, чтобы опять соединить его съ тѣломъ, и обнаруживаемъ особенную заботливость о немъ. И награда тебѣ будетъ больше, когда ты привлечешь не желающаго любить. Если на пиръ Богъ повелѣваетъ звать тѣхъ, кто не можетъ отплатить намъ, чтобы увеличилось воздаваніе, то тѣмъ болѣе должно дѣлать такъ въ разсужденіи дружбы. Тотъ, кто, будучи любимъ тобою, любитъ взаимно, воздаетъ уже тебѣ награду; тотъ же, кто, будучи любимъ, не любитъ тебя, дѣлаетъ вмѣсто себя твоимъ должникомъ Бога. И кромѣ того, когда онъ любитъ тебя, немного требуется старанія; когда же не любитъ, то имѣется нужда въ твоей помощи. Не дѣлай же того, что должно быть причиной заботливости, причиной безпечности, и не говори: такъ какъ онъ боленъ, то я пренебрегаю имъ; болѣзнь эта — охлажденіе любви: согрѣй же охлажденное. Вѣдь желаніе быть сильно любимымъ происходитъ отъ сильной же любви. Когда мы не особенно расположены къ кому-нибудь, то не нуждаемся и въ тѣсной съ нимъ дружбѣ, хотя бы онъ былъ великимъ и знаменитымъ человекомъ; но когда мы любимъ кого-нибудь горячо и искренно, то хотя бы любимый былъ ничтожнымъ и маленькимъ человекомъ, мы считаемъ за величайшую честь ту любовь, которую онъ внушаетъ намъ. Если же ты не умѣешь пользоваться братомъ, то въ состояніи ли будешь когда-нибудь правильно пользоваться чужимъ? Если не умѣешь обращаться съ собственнымъ своимъ членомъ, то сможешь ли когда-нибудь привлечь и соединить съ собою внѣшняго? Ты хочешь, чтобы про тебя не говорили худо? Не говори поэтому и самъ худо о другихъ. Желаетъ, чтобы тебя хвалили? Хвали и ты другихъ. Хочешь, чтобы тебя сожалѣли? Показывай и самъ сожалѣніе. Желаетъ получить прощеніе—

ніе? Прощай и самъ. Желаетъ, чтобы у тебя не похищали? Не похищай и самъ. Будемъ относиться къ ближнимъ такъ, какъ мы желаемъ, чтобы и они относились къ намъ. Какъ душа безъ тѣла не называется человѣкомъ, равно какъ и тѣло безъ души, такъ точно и любовь къ Богу, если не сопровождается любовью къ ближнему. Ты хочешь услужить такому-то? Не препятствую; 570 но только пусть это будетъ не въ огорченіе другому. Не для того, вѣдь, даны намъ учителя, чтобы мы враждовали другъ противъ друга, а для того, чтобы всѣ были въ союзѣ другъ съ другомъ. Почему ты одинъ? Почему не приобретаешь многихъ друзей? Почему не являешься творцомъ любви? Почему не устрояешь дружбы, этой величайшей похвалы для добродѣтели? Подобно тому, какъ быть въ согласіи съ злыми особенно раздражаетъ Бога, такъ и быть въ согласіи съ добрыми особенно радуетъ Его. Не будь со многими въ нечестіи; готовь себѣ друзей прежде жилища, прежде всего прочаго. Если миротворецъ—сынъ Божій, то насколько болѣе тотъ, кто дѣлаетъ друзьями? Если только примиряющій называется сыномъ Божиимъ, то какой награды не будетъ достоинъ тотъ, кто дѣлаетъ примиренныхъ друзьями? Діаволь побуждаетъ насъ быть всѣмъ врагами, а Богъ повелѣваетъ всѣхъ считать друзьями и любить; тотъ, пригвоздивъ насъ къ брѣню и глини (а таково богатство), не даетъ вздохнуть хотя бы немного даже и ночью, а Этотъ, освобождая насъ отъ такой излишней и безцѣльной заботы, заповѣдуетъ собирать сокровища на небесахъ, не путемъ обидъ другимъ, а отъ собственной праведности; тотъ, послѣ многихъ трудовъ и огорченій, не только не можетъ защитить насъ, когда мы терпимъ на томъ свѣтѣ наказанія и подвергаемся страданіямъ за нарушение законовъ Божіихъ, но еще и увеличиваетъ пламя, а Этотъ, заповѣдавъ намъ давать чашу холодной воды, не допускаетъ лишиться намъ даже и за это воздаянія и награды, но воздастъ съ великою щедростью. Послѣ этого, не крайнее ли безуміе съ нашей стороны не любить столь кроткаго и обилующаго такими благами Владыку, а рабствовать неблагодарному и жестокому тирану, который ни здѣсь, ни тамъ не можетъ принести никакой пользы повинующимся и преданнымъ ему? Итакъ, не ропщите за мои слова. И я вѣдь про любящаго меня сказалъ бы, что онъ не тогда, когда только хвалить меня, но когда и обличаетъ съ цѣлью исправить, тогда-то особенно и любить меня. Хвалить безъ разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, а льстецу и насмѣшнику; напротивъ, хвалить за доброе дѣло, и упрекать за проступокъ—вотъ долгъ друга и доброжелателя. Итакъ, не пріятель мнѣ врагъ, и когда онъ хвалить меня; но пріятель

другъ, и когда упрекаетъ меня. Тотъ, хоть и цѣлуетъ меня, противенъ; этотъ, хоть и уязвляетъ меня, любезенъ. *Достовѣрнѣе*, говорится, *язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. xxv, 6). Одинъ, правильно ли, или неправильно упрекаетъ, дѣлаетъ это не съ тѣмъ, чтобы посрамить, но чтобы исправить; другой, хотя бы и справедливо упрекалъ, упрекаетъ не съ тѣмъ, чтобы исправить, а стараясь скорѣе обезславить. Такъ-то, возлюбленные, ничто не можетъ сравниться съ единомысліемъ; при этомъ и одинъ бываетъ равенъ многимъ. Если, напримѣръ, будутъ единоподушны два или десять, то одинъ уже перестаетъ быть однимъ, а каждый изъ нихъ становится въ десять разъ больше, и ты въ десяти найдешь одного, и въ одномъ—десять. Если у нихъ есть врагъ, онъ уже нападаетъ не на одного, и бываетъ побѣжденъ такъ, какъ если бы напалъ на десятерыхъ. Если одинъ обѣднѣлъ, онъ не въ бѣдности, потому что обѣднѣвшая часть прикрывается большею частью. Каждый изъ нихъ имѣетъ двадцать рукъ, двадцать глазъ и столько же ногъ; у каждого десять душъ, потому что онъ все дѣлаетъ не своими только членами, но и остальныхъ. Если бы ихъ было и сто, опять будетъ то же самое. Одинъ и тотъ же можетъ быть и въ Персіи, и въ Римѣ,—и чего не можетъ сдѣлать природа, то можетъ сила любви. Если же онъ имѣетъ тысячу или двѣ тысячи друзей, то подумай, до какой степени увеличится его сила. Чудно, дѣйствительно, изъ 571 одного сдѣлать тысячу! Для чего же мы не приобретаемъ силы любви и не утверждаемъ себя въ безопасности? Доколѣ будемъ ограничивать ее однимъ или двумя? Тотъ, кто имѣетъ друзей, хотя бы былъ бѣденъ, становится гораздо богаче богатыхъ: чего онъ самъ не посмѣетъ сказать за себя, то скажетъ за него другъ; чего не можетъ доставить самъ себѣ, достигнетъ черезъ другого. Невозможно потерпѣть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами: не такъ бдительны царскіе тѣлохранители, какъ эти. Тѣ охраняютъ по нуждѣ и страху, а эти по доброжелательству и любви. При томъ царь боится своихъ стражей, а человѣкъ, имѣющій друзей, вѣритъ имъ больше, чѣмъ себѣ самому. И, кромѣ того, есть ли какая стѣна, столь несокрушимая, столь укрѣпленная совокупностью огромныхъ камней, столь недоступная для нападеній враговъ, какъ союзъ любящихъ другъ друга и сплоченныхъ между собою единоподушіемъ? Онъ отражаетъ козни самого діавола; и весьма естественно. Возставая противъ него въ союзѣ другъ съ другомъ, такіе люди становятся непобѣдимы его ухищреніями, и воздвигаютъ блистательные трофеи любви. И какъ струны лиры, хотя многочисленныя, но настроенныя согласно, звучатъ пріятнѣйшимъ звукомъ,

такъ точно и объединенные единомыслиемъ издають благозвучный гласъ любви. Нѣтъ, вѣдь, ничего усадительнѣе любви. Чего только не сдѣлаетъ искренній другъ? Какого не доставитъ онъ удовольствія, какой пользы, какой безопасности? Хотя бы ты указалъ тысячи сокровищъ, ничто не можетъ сравниться съ искреннимъ другомъ. Подобно тому, какъ блестящія тѣла распростирають блескъ на близъ лежащія мѣста, такъ и друзья, въ какихъ бы мѣстахъ ни явились, вездѣ расточають свое благоволеніе. Лучше, поэтому, жить во мракѣ, чѣмъ безъ друзей. Не такъ горячка сжигаетъ тѣло, какъ душу разлука съ любимыми. Страсть любви такова, что заставляетъ насъ ежедневно представлять себѣ любезныхъ намъ, когда они не находятся вмѣстѣ съ нами, а отсутствуютъ; она отвлекаетъ душу любящаго отъ всѣхъ находящихся на лицо и привязываетъ ее къ одному возлюбленному. Если же тотъ, кто видитъ любимаго, или даже только воспоминаетъ о немъ, становится бодръ душею и высокъ мыслию, и, услаждаясь воспоминаніемъ, все переноситъ легко, то имѣющій въ мысляхъ Того, кто благоволилъ воистину возлюбить насъ, и помнящій о Немъ, почувствуетъ ли когда-либо какую-нибудь печаль, или убоятся ли чего-нибудь страшнаго и опаснаго? Конечно, никогда! Если, пользуясь любовью сильныхъ людей, мы бываемъ страшны для всѣхъ, то гораздо болѣе будучи любимы Богомъ. И хотя бы нужно было отдать за эту любовь деньги, или тѣло, или самую душу, не пощадимъ. Не достаточно вѣдь говорить только на словахъ, что мы любимъ, а необходимо представить доказательство нашей любви и на дѣлѣ, такъ какъ и Онъ самъ показалъ Свою любовь не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Если въ домахъ знатныхъ людей слуга, сдѣлавшій свое добро господскимъ, на самомъ дѣлѣ не свое добро сдѣлалъ господскимъ, а господское своимъ, и одинаково пользуется и своимъ, и господскимъ, почему многіе изъ слугъ больше даже боятся его, чѣмъ господина, и если вслѣдствіе того, что онъ пренебрегъ своимъ добромъ, онъ въ дѣйствительности не пренебрегъ имъ, а получилъ даже гораздо болѣе, то тѣмъ болѣе такъ бываетъ въ вещахъ духовныхъ. Не будемъ, поэтому, заботиться о своихъ 572. выгодахъ, чтобы на самомъ дѣлѣ позаботиться о нихъ, а будемъ пренебрегать ими, чтобы пріобрѣсти ихъ. Если мы пренебрежемъ ими, то Богъ о нихъ позаботится; а если мы сами будемъ заботиться о нихъ, то Богъ пренебрежетъ. Если кто хочетъ любить искренно и узнать силу любви, то пусть спѣшитъ къ питомцу ея, блаженному Павлу, и тотъ научитъ его, какъ великъ подвигъ—перенести разлуку съ любимымъ, и сколь великая душа требуется для того. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ Павелъ, совлекшій

съ себя плоть и сложившій тѣло, обходившій вселенную почти обнаженною душею, исторгшій изъ духа всякую страсть, подражавшій безстрастію безтѣлесныхъ силъ, хотя и переносилъ легко все остальное, какъ бы страдая въ чужомъ тѣлѣ, — и темницы, и узы, и изгнанія, и бичеванія, и угрозы, и смерть, и всѣ виды наказанія,—но, разлученный съ одною любимою имъ душею, такъ былъ разстроенъ и смущенъ, что тотчасъ и ушелъ изъ города, въ которомъ ожидалъ увидѣть любимаго человѣка и не нашелъ его. Что это, блаженный Павелъ? Заключенный въ колодки, живя въ темницѣ, имѣя отпечатлѣвшіеся слѣды бичеваній, съ текущею по спинѣ кровію, ты вводилъ въ тайнства, крестилъ, приносилъ жертву, и не пренебрегъ даже и однимъ человѣкомъ, который долженъ былъ получить спасеніе; а придя въ Троаду, и найдя ниву расчищенной и готовою принять сѣмена, ты выпустилъ изъ рукъ такую прибыль и тотчасъ ушелъ? Да, говорить, потому что я одержимъ былъ силою унынія, потому что мой духъ очень смущало отсутствіе Тита; и печаль такъ овладѣла мною, такъ осилила меня, что принудила сдѣлать это. Видишь, какой величайшій подвигъ—быть въ состояніи спокойно перенести разлуку съ любимымъ человѣкомъ, какъ горестно и печально это дѣло, какъ оно требуетъ для себя души возвышенной и мужественной? Для любящихъ не достаточно одного лишь соединенія душею, они не довольствуются этимъ для своего утѣшенія, а нуждаются и въ тѣлесномъ присутствіи другъ подлѣ друга, и если этого нѣтъ, то отнимается не малая доля радости. О, пламенная страсть любви! Павелъ, не страшась огня, адамантовый, твердый, непреклонный, неодолимый, говорящій: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовой, скорби ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе, или нагота, или бѣда, или мечь* (Рим. viii, 35)? дерзновенно попирающій землю и море, посмѣвающійся надъ желѣзными вратами смерти,—этотъ самый (Павелъ), когда увидѣлъ слезы у любимыхъ имъ людей, такъ былъ сокрушенъ и растроганъ, что даже не скрылъ своей скорби, а тотчасъ же сказалъ: *что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце* (Дѣян. xxi, 13)? О, диво! Бездна водъ не сокрушила его, а малыя слезы сокрушили и разбили? *Что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце?* Что говоришь ты, скажи мнѣ? Эту адамантовую душу могла сокрушить слеза? Да, говорить,—потому что велика сила любви; она побѣждаетъ и осиливаетъ меня; противъ всего могу я устоять, кромѣ любви. Кто не изумится? Кто не удивится? Лучше же сказать, кто можетъ достойно изумиться и удивиться этой мужественной и достигающей до небесъ душѣ, подумавъ о томъ, что онъ, будучи заключенъ въ оковы и темницу, посталъ